

ГЛАВА РЕСПУБЛИКИ КОМИ

**КОМИ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР УРО РАН
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ**

СЫКТЫВКАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ХРИСТИАНИЗАЦИЯ КОМИ КРАЯ
И ЕЕ РОЛЬ В РАЗВИТИИ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И КУЛЬТУРЫ**

Том II

Филология. Этнология.

к 1267509

Сыктывкар 1996

**ОТРАЖЕНИЕ ТРАДИЦИОННОГО
МИРОВОЗЗРЕНИЯ НА ЯЗЫКОВОМ УРОВНЕ
СЕВЕРНОРУССКОЙ БЫЛИЧКИ
(модус достоверности)**

Наряду с другими фольклорными жанрами быличка раскрывает традиционные представления об устройстве мира как о противопоставлении “этого мира” и “того света”. Отсутствие жесткой границы между ними обеспечивает потенциальную возможность их контакта. Мифологический характер жанра не предполагает противопоставления сверхъестественного, даже вымышленного самой действительности; чудесное и обыденное имеют равноправный статус, одинаковую степень достоверности. Своеобразие жанра заключается в отсутствии непроницаемой границы также и между внутритекстовой и внетекстовой действительностью (Померанцева, 1975). Схематично данные положения можно изобразить следующим образом:

Внутритекстовая действительность		Внетекстовая действительность
Мир сверхъестест- венных сил	Реальный мир персонажей	Реальный мир рассказчика и слушателей

Поскольку проницаемы все границы, реальный мир персонажей становится тем проводником, посредством которого смыкаются мир сверхъестественных сил и мир рассказчика и слушателей. Таким образом, быличка обретает статус “реального случая” с позиции традиционного мировидения, является повествованием о прецеденте, событии, имевшем место в прошлом, и потому она может служить образцом поведения в ситуации контакта двух миров, т.е. ситуации, потенциально опасной для человека и коллектива в целом, с точки зрения традиционного сознания.

При этом оказывается, что сразу несколько функций жанра (информационная, защитно-прагматическая, передачи опыта, сохранения традиционных установок) предполагают уверенность слушателя в достоверности описываемых событий. Принцип достоверности обретает особую важность. Достоверность является семантическим параметром текста, отражающим отношение автора к

сообщаемому, что включает ее в круг компонентов, создающих предикативность текста. В данном случае предикативность понимается как "отнесенность к действительности; направленность на актуализацию сообщаемого" (Мещеряков, 1995, с.64). Отметим и то, что достоверность видится нам более широким понятием, чем категория эвиденциальности, понимаемая "как область рамочных значений, представляющих собой указание на источник сведений" (Козишчева, 1994, с.92). Эвиденциальность относится к достоверности как часть к целому и реализуется в виде части текста, информационное содержание которой важно и ценно не само по себе, а как средство создания достоверного восприятия всего текста в целом. Достоверность же буквально пронизывает весь текст. Помимо указаний на источник информации в текст былички вводятся и указания на осведомленность рассказчика о дальнейшей судьбе героев, лица - источника информации, указания на личное отношение рассказчика к героям, подчеркиваются временные и пространственные отношения внутритекстовой и внетекстовой реальности.

Так как существуют разные типы быличек, повествование от первого лица и пересказ со слов очевидца, то, несомненно, средства создания достоверности в этих типах различны. Мы рассмотрим былички второго типа, т.е. повествование-рассказ и использование в них языковых средств, направленные на создание достоверности. Композиция такого текста часто представляет собой "рассказ в рассказе", где внешний рассказ выполняет роль зачина. Помимо функций обособления былички в потоке речи, придания целостности тексту, зачин должен убедить слушателя в достоверности всей последующей информации независимо от ее характера. Рамочная конструкция как текстовое воплощение категории эвиденциальности на композиционном уровне заполняется определенным лексическим материалом: называется информатор и указывается на акт передачи информации с точки зрения рассказчика от своего лица (слыхала) или от лица информатора (рассказывал).

- Василий у меня рассказывал, может и правда, нет. Мужик жил немножко богато, уж немножко. Это там, не здешний он. (АС- 11 0477.44)¹.

-Василий покойничек рассказывал. Знался, отец, трое ребят было, отец знался с дедом. (АС- 11 0478.61).

- А тут мамушка рассказывала, девкой была. Вот у них было пять коров. Не едят, уж вот несколько не едят... Степы лижут да мычат. Это уж мама рассказывала, у ей было, она девкой была. (АС- 11 0477.44а).

¹ В текстовых примерах отражены лишь некоторые фонетические особенности говора (например, чоканье) и некоторые лексикализованные фонетические варианты (например, ешно). Нумерация текстовых примеров приводится по архиву Проблемной научно-исследовательской лаборатории фольклорно-археографических исследований Сыктывкарского гос. университета.

-Я жила в литовице (Литве), там у нас кладовщик был, с Украины высланный. Дак он говорит, когда ходил в школу, в церкву, поп полюбил, дак его пригласил в церкву в выходной день. (АС - 9 0465.142).

-Вот девушка рассказывала, слыхала, с той деревни, у мельницы. Тут у нас въезд был в лог. (АС- 8 0458.85).

-У нас один мужик рассказывал. Я уж девкой была. Захвастнулся- дак че-то приключивается.(АС- 9 0468.17).

- У нас вот Тропиш парнем был, рассказывал. Ходил к нам на Демидиху. Там у нас была логва. Машию там все. (АС- 11 0478.54).

- Мне бабушка рассказывала давно, я енно маленькая была, там на Страже-то жила, я там со Стражи-то. Дак говорит, какая-то старуха, говорит, все говорит, все приду в баню, мне все старуха кажется зеленая, глаза зеленые. (АС- 8 0456.49).

В зачинах такого рода в повествование вводится указание на лицо-источник информации. Эта отсылка принципиально важна. Она позволяет рассказчику определить свою точку зрения на описываемые события, запятать отстраненную позицию при оценке фактов повествования. Для самого рассказчика события, о которых он повествует, не являются абсолютно реальным фактом. Но в его сознании присутствует традиционная установка, определяющая эти события как истинные. Происходит столкновение и совмещение оценок события, которое обретает временно два статуса: бесспорно истинное и небесспорно истинное. Это сочетание реализуется в появлении модуса достоверности в виде апелляции человека к чужому, в данном случае традиционному, опыту, передаваемому от лица другого человека. Тем самым рассказчик отчасти снимает с себя ответственность "истинностной оценки"(Арутюнова, 1992, с.13) повествования в целом. При этом всячески подчеркивается реальность лица - источника информации, как правило, через указание на связь рассказчика и информатора в реальной действительности. Информатор является знакомым рассказчика или членом его семьи, поэтому при наименовании информатора используется лексема, обозначающая степень родства (мамушка, мама, сестра, бабушка), либо появляются имена собственные (Василий, Тропиш). Отметим, что имена в быличке не имеют отвлеченного характера, как имена сказочных персонажей, где, например, имя может получить только младший сын. Конкретность имен в быличке подчеркивает реальность персонажа. Поэтому при имени появляются дополнительные сведения, косвенно указывающие на связь информатора и рассказчика. Так, "у меня" в значе "Василий у меня рассказывал..." содержит указание на родственные отношения, а приложение "покойничек" - на осведомленность рассказчика о дальнейшей судьбе информатора. Одновременно данное определение устанавливает временные отношения между событиями в тексте и моментом рассказывания: об этих событиях рассказчику сообщил информатор, который к моменту

рассказывания уже умер. Те же отношения устанавливаются и в зачине "У нас Трошин парнем был, рассказывал..." Местное свидетельство об определенной степени близости рассказчика и информатора, их принадлежности к какой-либо одной группе людей (они, например, могут быть односельчанами). Сказуемое устанавливает временные отношения и указывает, что к моменту рассказывания Трошин является взрослым или пожилым человеком.

Если рассказчик не может прямо назвать информатора, то для создания достоверности вводятся дополнительные сведения, конкретизирующие его личность, а также сведения, достаточно точно подчеркивающие его связь с рассказчиком. Например, в зачине "Я жила в литовине, там у нас кладовщик был, с Украины высланный..." сообщается о профессии информатора, его судьбе. Одновременно эти сведения содержат сообщение о месте и времени событий. Очевидно, что такая конкретизация никак не влияет на сюжет, она невозможна в сказке, но она принципиально необходима в быличке. Без нее быличка теряет самостоятельность жанра и становится переходной формой между быличкой и сказкой. Поэтому, если нет прямой конкретизации личности информатора, используются косвенные указания: "Вот девушка рассказывала, слыхала, с той деревни, с мельницы..." В этом зачине пространственные реалии призваны удостоверить слушателя в реальности персонажа - человека из определенной деревни. Налицо своеобразный перенос метонимического характера: вместо "конкретный человек" - "человек из конкретного места". Вероятно, это соседняя для рассказчика деревня, так как указывается "та" деревня, а не "одна" деревня, "дальняя" деревня или просто "деревня". Рассказчик также знает о наличии в ней мельницы, и указание на это собственное знание повышает степень достоверности в целом. В другом зачине, также при отсутствии сведений об информаторе, вводятся сведения о рассказчике: "У нас один мужик рассказывал. Я уж девкой была..." В этом случае подразумевается, что рассказчик лично знаком с информатором, косвенно оговаривается время их контакта, при котором рассказчик получил от информатора сведения, составляющие саму быличку. Одновременно это указание соотносит время повествования с моментом настоящего рассказывания.

Как видим, соотношение повествования с моментом рассказывания является важным элементом создания достоверности в быличке. Апелляция к текущему, данному моменту действительности, к реальности ситуации "здесь и теперь" психологически помогает слушателю перенести ощущение достоверности протекшего на события повествования. Таким образом, обрамление повествования сведениями об информаторе, т.е. непосредственное текстовое воплощение категории эвиденциальности актуализирует информационную часть, усиливая ее прагматику.

Однако стройное композиционное решение с прямым сообщением о получении информации от лица очевидца в качестве зачина

встречается не часто. Как правило, ссылка на информатора вводится в текст произвольно по ходу рассказывания, при этом способы создания достоверности те же, что и в случае вынесения указания на информатора в зачин:

-И вот до утра просидел на лавке. Покойница Лавровна рассказывала. Идти надо, а оторваться не знает как. (АС -11 0475.30).

- Все мужики встали, узнали, что с им че-то неладно. Второй раз, мама рассказывала, утром рано, летом, бежит, застучал. Все спали, часа три ночи было. (АС- 11 0476.47)

- Чего, как вихрем утащило. Это одного, две Сашки ходили. Он мне сам рассказывал. Че, говорит, я пришел, говорю:"У вас Шурка потерялся"(АС - 8 0457.23).

- Пойдешь, думаешь, туда. А тебя все на то место ведет. У нас Боря ездил за грузями. От машины только ушел. Ну, думаю, говорит, круга дам, дак и приду сейчас. (АС-4 0435.54).

- Вот эта Еленка-то в Пузыреве, Клаше-то нашей будет сноха. Она зналася с этими лешаками. Она и гадала девкам замуж выходить, выйдет, нет, жених ли живой? Носили ей чего-нибудь. И вот эту девку она, это уж она сама рассказывала, она тоже такой смертью умерла. (АС -11 0478.60)

-Говорят, вот запрягает, да рукавицы не клади на лошадь. Это Филя у нас сказывает. Ну, говорит, до крестов доехал, не везет лошадь. (АС -9 0468.18).

- Поросеночка пустила, Надя -то вот рассказывает. Он ее, хоть как ее ни корми, все визжит и визжит. Старушка говорит: "А ты отдала ли соседушку-братанушку?". (АС-4 0430.57).

Отчетливо прослеживается тенденция установления разного рода отношений между рассказчиком и информатором: введение имен собственных (Лавровна, Сашка, Шурка, Боря, Еленка, Клаша, Филя, Надя), использование местоимений, в семантике которых присутствует элемент значения личной причастности (он мне сам, у нас, Клаше-то нашей), указание на осведомленность рассказчика о судьбе информатора (покойница Лавровна). Т. е. элементы текста, соотносящие его информацию с моментом рассказывания, не всегда выносятся в зачин, а могут быть рассеяны по всему тексту.

Часто в качестве указания на невыдуманность данного рассказа в предложение включается вводное слово (говорят), совмещающее значение указания на источник сообщения со значением степени достоверности.:

-Что делали, если девкой засадят? Говорят, дорогу рассекали на Великой Четверг. (АС -8 0456.28)

- Небаские-те, говорят, коров выпускали, вот там под Якушипом. (АС- 11 0477.38).

- Вот спишь, говорят, суседко давил. И у нас же бывало... Говорят, он тоненьким голосочком пикат. (АС -5 0444.24)

По определению, вводные слова, сочетания слов и предложения "всегда так или иначе характеризуют сообщаемое с позиций говорящего, выражают отношение говорящего к сообщаемому" (Русская грамматика, т.2, 1980, с. 229), что является "специфической и единственной для них функцией" (там же). В данном случае они позволяют рассказчику занять отстраненную позицию при оценке излагаемых событий и одновременно уверить слушателей в достоверности этих фактов.

Эта функция является основной и для некоторых других синтаксических конструкций. Так, в текст могут быть включены самостоятельные предложения или простые предложения в составе сложного, все семантическое значение которых сводится к констатации факта передачи информации от информатора к рассказчику. По своему характеру такие конструкции близки к вводным словам, так как подобно последним они выделяются своей автономностью в составе текста, не принадлежат информативному ядру, а сопутствуют основной тематической информации. Кроме того, их значение близко к значению вводных слов в предложении, они указывают на источник информации с точки зрения рассказчика, т. е. они служат для передачи отношения к сообщению. Основной чертой этих конструкций является то, что предикат выражен глаголом с семантикой говорения или восприятия речи (говорили, рассказывали, слыхала):

- Я слыхала, говорят, был заколдован парень. (АС - 9 0471.29).
- Вот в бане-то полешакайся! Нельзя. Где-то говорили, Оля-то Левушкин в Капшине, дак не знаю, это вышло правильно ли, нет. Как будто бы жену он изругал. (АС- 5 0444.25).
- Есть водяной, а лешак- лесной, ране говорили. Тонут - это водяной. У нас тут две бабы утонули. Захвастываться не надо, говорят. (АС- 9 0468.20).
- О чертях я слыхала маленькая. У нас там было в деревне какое-то как сырое место, зыбун. (АС- 4 0431.30).
- Вот, говорят, из дома в дом переходят, его, суседушка, зовут с собой : "Суседушко-ботанушко, пойдем с нами". В голбце, говорят, живет, да в стаи живет у скота. Маленьки, говорят, суседушко-ботанушко, как человек. Стары-те люди раньше говорили, что суседушко-ботанушко с черпалочкой ходит да скота поит. (АС- 9 0470.16).

Как видно из примеров, указания на достоверность предельно неконкретны. Между тем, они представляют собой свернутое высказывание более распространенного характера: "Я слыхала, что говорили", с опущенной первой или второй частью. При всей своей неопределенности данное высказывание призвано устанавливать связь "рассказчик-информатор". Форма глагола со значением чувственного восприятия "слыхала" задает однозначное определение лица, совершающего данное действие (здесь это рассказчик). Глагол с семантикой говорения "говорили" в данном случае подразумевает акт

передачи информации в целом, т. е. не только наличие лица, производящего действие, но и присутствие воспринимающей стороны. И в том, и в другом случае декларируется участие в одном акте рассказчика и информатора, наличие в определенный момент непосредственной связи между ними. Таким образом, и здесь фигура рассказчика является посредником между слушателем и внутритекстовой реальностью, гарантом достоверности последней.

Хочется отметить интересный прием создания достоверности: "старые люди раньше говорили...", где выражение "старые люди" является лексикализированным словосочетанием. В общем контексте оно приобретает дополнительное значение ссылки на авторитет, что, по мнению рассказчика, несомненно, усиливает степень достоверности повествования и его прагматический аспект.

Итак, при повествовании о событиях сверхъестественного характера, героем которых рассказчик не является, в тексте появляются ссылки на лицо - источник информации. Функция этой ссылки двоякая: явиться гарантом для слушателей достоверности описываемых событий в целом, сохранить отстраненную позицию самого рассказчика относительно оценки описываемых событий. Возникает необходимость подтверждения реальности информатора, реализуемая через указание на существование определенных отношений, каким-либо образом связывающих рассказчика и информатора в реальной действительности. Это предопределяет выбор языковых средств при создании текста в акте рассказывания. В свою очередь создаваемая этими средствами достоверность способствует постепенному, ненавязчивому и прочному внедрению в сознание рассказчика и слушателей традиционных представлений как мировоззренческого, так и бытового уровня, даже если эти представления расходятся с личным опытом непосредственных участников акта рассказывания.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

- Арутюнова Н.Д., Булыгина Т.В., Кибрик А.А. и др. Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. - М., 1992.
- Зиновьев В.П. Быличка как жанр фольклора и ее современные судьбы (на материале фольклора Забайкалья). Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук. - Саратов, 1975.
- Козинцева Н.А. Категория эвиденциальности. // Вопросы языкознания, 1994. - № 3. - С. 92-104.
- Мещеряков В.Н. Предикативен ли текст? // Филологические науки, 1995. - № 2. - С. 64-70.
- Померанцева Э.В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. - М., 1975.
- Русская грамматика., т.2,- М., 1980.